

© 1992 г. БАРАНОВ А.Н., КРЕЙДЛИН Г.Е.

## СТРУКТУРА ДИАЛОГИЧЕСКОГО ТЕКСТА: ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ МИНИМАЛЬНЫХ ДИАЛОГОВ

Членимость диалогического текста на отдельные коммуникативно замкнутые единицы является общепризнанным постулатом теории диалога. Между тем критерии выделения диалогических единиц до сих пор служат предметом весьма оживленных дискуссий и споров [1—3]. В работе [4] авторы предприняли попытку построить формальную статическую модель диалога, в основу которой положено речевое взаимодействие участников коммуникации. В этой модели, на наш взгляд, элиминируется ряд трудностей, связанных с выделением минимальных диалогических единиц (МДЕ): привязанность ранее предлагавшихся критериев выделения к конкретным видам диалогического текста и проблема количества реплик в составе минимальной единицы. Мы исходили из того, что инвариантной особенностью всех типов диалогов является динамический характер речевого взаимодействия. При этом мы рассматривали диалог как систему обязательств его участников по удовлетворению коммуникативной потребности собеседника. В качестве формальной экспликации такой содержательной особенности было введено отношение иллокутивного вынуждения. Именно обращение к этому понятию позволило дать определение минимального диалога как системы иллокутивных вынуждений.

Анализ внутреннего устройства минимальных диалогов дает также возможность поставить вопрос о структурных показателях их границ и выделить некоторые типы таких показателей. Наряду с очевидными фонетическими и грамматическими сигналами, такими, как пауза, скорость, темп и модуляция речи, интонация и др. (ср. [5, 6]), существуют лексические показатели начала и конца МДЕ. Понятно, что до тех пор, пока у нас не было формального определения МДЕ, вопрос о ее границах в каком бы то ни было точном смысле не мог быть поставлен. Теперь, когда контур МДЕ очерчен, можно говорить как о языковых элементах, тяготеющих к началу МДЕ (иногда это их единственно допустимая структурная позиция), так и о лексемах, тяготеющих к ее концу.

### 1. Общая характеристика лексических показателей (ЛП) начала и конца МДЕ

С конструктивной точки зрения ЛП функционируют в диалоге либо как отдельные синтаксически оформленные реплики, либо как составные части других синтаксических конструкций. Например, речевой диалог может открываться этикетным приветствием, оформляемым в виде отдельной реплики. С другой стороны, сигналом начала МДЕ является лексема *слушай*, которая всегда выступает в составе более крупной реплики, ср.: *Слушай, подбрось-ка ты меня в райцентр*. Эту лексему следует отличать от омонимичной ей формы императива глагола *слушать*, которая, вообще говоря, не является лексическим маркером МДЕ и может быть словом-репликой, ср.: *Что же ты болтаешь? Слушай!* Можно указать также такие языковые выражения, которые могут выступать в роли ЛП и как отдельная реплика, и как часть другой реплики. К ним относятся, в частности, обращения типа *Друзья (мои)!*, *Эй!*, *Граждане!* и др.

Содержательная сторона лексических показателей связана с их фатической, метатекстовой функцией ведения диалога. Как и всякая речевая деятельность, диалоговое общение не проходит гладко, если им не управлять с помощью особых языковых средств. В нужный момент адресант может включить (или переключить) внимание адресата на сообщение, разорвать контакт или, наоборот, поддержать его. Установление контакта обычно открывает диалог и тем самым первую МДЕ в нем. В этой роли мы встречаем такие стандартные реплики — абсолютно независимые речевые акты — как самообъявления *Говорит Москва, Моя фамилия Воланд*; приветствия *Здравствуйте, Добрый вечер, товарищи, Привет*; различного рода междометные реплики, предназначенные для привлечения внимания и дифференцированные в зависимости от целого ряда лингвистических, социальных и культурных факторов: *Эй!, Послушайте!, Алло!, Слушай!*; аппеллятивы *Ты!, Мужчина!, Девушка!, Леди и джентльмены!, Уважаемые коллеги!, Дорогие товарищи!, Внимание! Внимание!* (ср.: *Внимание! Внимание! К воротам свернул какой-то мужчина*); словесные выражения вежливости, носящие характер извинений перед партнером за причиненные ему неудобства, за покушение на его права. Ведь адресант, начав диалог, вынуждает адресата к соответствующему речевому поведению. Такие речевые формулы, как *Прошу прощения, Извините, Простите, не важно*, в виде отдельной реплики или в составе более крупного сообщения, предваряют содержательный диалог, создавая условия для его благоприятного протекания.

Реплики, полностью размыкающие контакт, обычно являются в диалоге финальными и представляют собой отдельный, абсолютно независимый речевой акт, ср.: *До свидания!, Всего доброго!, Благодарю за внимание!, На этом заканчиваю!, Привет!, Пока!, Ну все, Конец.*

В сценическом диалоге, изобилующем разнообразными авторскими ремарками, отчетливо выделяются две группы авторских слов, назначение которых описать невербальные действия персонажей, вступающих в диалог и выходящих из него. В этом случае сами действия являются знаками особой семиотической системы поведения персонажей, взаимодействующей с естественным языком. При чтении пьесы и зрительном восприятии сценического действия эти невербальные знаки могут выступать как прогностические сигналы начала или конца диалога. В примерах из пьес Е. Шварца (1) (Из кустов навстречу Журочкин) Журочкин: *Стойте! Я все слышал*; (2) (Вбегают Бойбабченко, Кофейкин) Кофейкин: *Видел ее? Бойбабченко: Помирился? Чего молчишь?* ремарки автора указывают на вступление в диалог, а в примере (3) Министр финансов: *... Пойдемте к ювелиру, я куплю вам кольцо несметной ценности. Идемте. Лакеи! Унесите нас.* (Удаляются) авторская ремарка описывает действие персонажей, сопровождающее окончание диалога<sup>1</sup>.

Не следует думать, что фатическая сторона диалога исчерпывается лексическими показателями границ МДЕ. Такие специфические для диалога фатические средства, как междометия *гм, да-да, ну, ну-ну*, различного рода восклицания *Ух ты!, Во дает!, Неужели?!*, побуждения *короче, смелее*, "поддакивания" *так-так, ага* и некоторые другие, служат средством поддержания речевого контакта [ср. понятие «дополнительного канала связи» — *backchannel* — в теории ведения беседы (*conversational analysis*)]. Все эти единицы объединяет то, что их употребление стимулирует партнера на выполнение отношения иллокутивного самовынуждения. При этом одни из них ориентированы на скорость выполнения этого отношения (ср. выражение нетерпения в словах *ну-ну, так-так, (что) дальше*), другие — на оценку сообщаемого, побуждая партнера вести диалог «в том же духе» (ср. оценочные выражения *Ух ты!, Вот это да!, Во дает!*), третьи провоцируют автора к пояснению своей мысли или к экспликации некоторых следствий из нее (ср.: *Ну и что?, Ну, Да*) и т.п.

<sup>1</sup>Функциональные характеристики такого рода ремарок частично затрагиваются в [7].

До сих пор речь шла о ЛП сигналов начала и конца диалогического текста в целом. Между тем имеется ряд специальных языковых показателей начала и конца МДЕ в составе продолжающегося диалога. Большинство из них в той или иной мере указывают на смену темы (напомним, что единство темы относится к числу конституирующих признаков МДЕ [4]); ср. особенности поведения в диалоге выражений типа *А теперь давай(те) / расскажи(те) / скажи(те) / ...; Кстати (говоря); Между прочим; Да!* (в значении «вспоминание» — ср. [8]) и др. Понятно, что все такие выражения предваряют начало новой МДЕ. Кроме того, в тексте можно выделить и показатели конца МДЕ, ср. частицы: *Хватит!, Все!*, сочетания: *Ну ладно тебе!, Может, хватит (уже), Ну, хорошо / ладно, Ясно, Точка.* Языковые элементы, обозначающие начало и конец МДЕ, с необходимостью открывают или замыкают отношение иллокутивного вынуждения, тогда как фатические сигналы поддержания контакта, способствуя выполнению отношения иллокутивного самовынуждения, не являются при этом инициальными или финальными.

Изучение ЛП начала и конца МДЕ может представить интерес с различных точек зрения. Во-первых, совершенно не изучена семантика и правила употребления этих слов в диалоге. Эта проблема особенно актуальна в связи с тем, что монологическое поведение многих из этих слов в какой-то мере описано, между тем как их значение и употребление плохо соотносится с монологическим, да и изучено плохо. Например, диалогическое *кстати* внешне выглядит употребленным совсем «не кстати», т.е. может связывать весьма отдаленные темы обсуждения и потому требует глубокой семантической реконструкции замысла автора. На этой особенности диалогического *кстати* строится сюжет одного из рассказов А. Кристи, в котором ее любимый персонаж мисс Марпл, высказывая свое отношение к сообщению сержанта местной полиции об обстоятельствах преступления, говорит примерно следующее: «Кстати, одна кошка, о которой мне рассказывали, тоже сначала утопила своего котенка, а потом бросила его в кусты». Контекст повествования таков, что высказывание мисс Марпл внешне совсем не мотивировано словами сержанта. Ее реплика выглядит абсолютно алогичной, и формальная связь в диалоге держится лишь за счет слова *кстати*. Между тем оказывается, что разгадка преступления по сути есть не что иное, как экспликация содержательной связи между рассказом сержанта и репликой мисс Марпл: только поняв, почему ее реплика была «кстати», мы поймем, кто убийца.

Во-вторых, без исследования ЛП невозможно в полной мере описать аксиологическую и, шире, модальную структуру диалога. Так, например, аксиологическая модель диалога должна учитывать то обстоятельство, что некоторые ЛП могут включать в себя оценку уместности иллокутивного содержания речевого высказывания партнера. Это явление носит принципиально диалогический характер: оно связано с наличием по крайней мере еще одного активного участника коммуникации. Рассмотрим следующий диалог:

(4) а. — *Воздух тут чистый, горный. Задержались мы здесь на месяц, пока хозяева дачу сдавали.* б. — *Да. Но скажите-ка лучше, куда вы дочь дели на лето?*

Слова *Но скажите-ка лучше*, начинающие новую МДЕ, содержат оценку уместности предшествующего высказывания партнера. Смысл этого сочетания примерно таков: «ответ на мой вопрос лучше, чем все твои констатации». Таким образом, валентности двухместного предиката *лучше* заполняются здесь не пропозициональным содержанием, а именами соответствующих речевых актов. Вместо совершившегося иллокутивного акта партнер может также предложить выполнить неречевое действие, ср. (4') ... б. — *Да. И потому, не пойти ли нам лучше погулять?* В последнем примере *лучше* связывает действие *погулять* с иллокутивной силой реплики а. Тем самым диалогические функции слова *лучше* могут быть несколько иными, чем монологические (о монологическом *лучше* см. [9, 10]).

В-третьих, некоторые семантически полнозначные слова и сочетания слов приобретают в диалоге чисто синтаксические функции. Они маркируют выполнение отношений иллокутивного вынуждения (или самовынуждения) в предшествующей МДЕ. Рассмотрим один пример. Сочетание *Ну, хорошо* в известном анекдоте: *Больной, как вы себя чувствуете? — Плохо, доктор. — Ну, хорошо... —* полностью лишено своего обычного содержания. Оно означает лишь принятие к сведению всей сообщенной информации и дополнительно фиксирует относительную смысловую законность предшествующего минимального диалога. Такие реплики всегда начинают новую МДЕ. Аналогичную функцию имеют слова (*Ну*) *ладно, прекрасно* и др. Ср. диалог (5) — *И ты к ним пошел? — То-то и счастье, что нет. Ведь это надо представить себе кошмар, который мог бы... — Ладно. Дальше что было?*

*Замечание.* Помимо хорошо известной монологической лексемы *хорошо*<sup>1</sup> со значением общей оценки и только что рассмотренной диалогической лексемы *хорошо*<sup>2</sup>, можно выделить еще одну диалогическую лексему *хорошо*<sup>3</sup> (ср. также *ладно, ладушки*) в функции ответных реакций на вопрос и императив, ср. (6) *Ты придешь завтра? — Хорошо.* или (7) — *Расскажи мне о себе. — Хорошо.*

## 2. Отражение иллокутивного взаимодействия в семантике лексических показателей начала МДЕ

Некоторые ЛП выполняют в диалоге особую метатекстовую функцию: они говорят о намерениях одного из партнеров повести беседу в том или ином иллокутивном ключе, определяющем характер дальнейшего речевого взаимодействия. К числу таких слов относятся, например, частица *да* в значении «вспоминание»; зачинная частица *а* (о роли которой в поэзии А. Ахматовой писал Б. Эйхенбаум [11]), частицы *так, ну* (в одном из своих значений), многие служебные элементы, описанные в работе Н.Ю. Шведовой [12], и ряд других. В семантике всех этих слов отражается навязываемый одним из говорящих другому характер дальнейшего речевого взаимодействия. Ниже в качестве примера мы рассмотрим семантическое поведение двух таких единиц — *смотри* и *слушай*.

### 2.1. Слово *смотри* и его употребление в диалоге

Можно указать три типа диалогических контекстов употребления *смотри*, в которых эта лексическая единица вводит МДЕ с разным иллокутивным содержанием, ср. (8)–(10).

- (8) а. — *Смотри, не забудь ключи, а не то в дверь не попадешь.*  
— *Хорошо.* б. — *Смотри, не балуйся на уроках, а то отец ремня даст.*  
(9) а. — *Смотри, сынок, не обижай людей, они тебе много добра принесут.*  
б. — *Смотрите, дети: дом берегите, людей уважайте, любите друг друга.*  
в. *Эй, дочь, смотри: не будь такая дура, Не прозевай ты счастья своего!*  
(10) а. — *Смотри, как расхрабрился! — говорил Чуб <оставшись один на улице>.* б. — *Смотрите, он умеет это доказывать!* в. — *Смотрите, а она хорошенькая! — Да...*

*Смотри*<sup>1</sup> в предложениях (8 а, б) выражает угрозу или предостережение и характеризуется специфической интонацией (ср. удлинение последнего гласного в автономном употреблении этой лексемы как слова-реплики — *Смотри-и!*). Его семантика налагает жесткие ограничения на иллокутивную функцию последующего речевого акта: это может быть предупреждение, предостережение, угроза или наказ. В репликах вида *смотри*<sup>1</sup>, не *Р*, а *то* (*а не то*) *Q* передаются две идеи. Во-первых, знание говорящего о том, что если некоторое лицо совершит действие *Р*, то это приведет к нежелательным для него последствиям *Q*, и, во-вторых, что это знание говорящий предлагает слушающему применить к себе.

*Q* здесь может быть "злом" не только для слушающего, но и для другого лица, прежде всего для говорящего. В последнем случае говорящий, понимая, что осуществление *P* может повлечь зло и для него тоже, обычно прибегает к угрозе. В таких ситуациях часто появляется специфическая интонация угрозы, а также особая синтаксическая фраза *смотри у меня*, указывающая на субъект наказания — самого говорящего; ср. невозможность сочетаний \**смотри у него*, ?*смотри у нас*, \**смотри у них*. Метафорически выражаясь, *смотри!* предвещает наказ не делать что-либо, а в случае непослушания предупреждает о возможном наказании.

*Смотри* в первом значении сохраняет рефлексы исходного прототипического глагола *смотреть* (в значении «понимать») и потому не синонимично выражениям *Будь внимателен/осторожен, Предупреждаю*. Пример (8а) иллюстрирует канонический случай использования *смотри!* в начале МДБ. Здесь в явном виде указано то, чем угрожает говорящий своему собеседнику в случае, если тот не выполнит *P*. В первом приближении предложения вида *Смотри!, не P, а не то / а то Q!*<sup>2</sup> означают: «*P* не имеет места; зная, что если человек *X* выполняет *P*, то это приводит к злу *Q* для этого человека (и, возможно, для других лиц); считая, что выполнение слушающим *P* вероятно; желая, чтобы слушающий понял необходимость выполнения не *P*, и считая, что слушающий не понимает, что если он выполнит *P*, то это приведет к злу *Q* для него (и, возможно, для других лиц); говорящий сообщает слушающему, что если тот выполнит *P*, то будет *Q*».

Чтобы лучше пояснить особенности семантики *смотри!*, сопоставим толкуемую конструкцию с выражениями вида *P, а не то / а то Q!*. Такое сопоставление должно показать, что *смотри!* не дублирует семантического содержания вводимого речевого акта, а вносит свой семантический вклад в высказывание.

Прежде всего обратим внимание на некоторые поверхностно-синтаксические свойства толкуемой конструкции со *смотри!*:

1) Синтаксической вершиной предикации *P* является глагол в повелительном наклонении и невозможен глагол в изъявительном, ср. некорректность фразы \**Смотри, я настаиваю, чтобы ты пошел к врачу, а не то не дадут путевку в санаторий* при правильности *Я настаиваю, чтобы ты пошел к врачу, а не то не дадут путевку в санаторий*<sup>3</sup>.

2) Вершинный предикат в пропозиции *P* содержит эксплицитно выраженное отрицание *P*, тогда как в конструкции без *смотри!* это требование может не выполняться, ср.: *Смотри, не надевай много теплых вещей, а то простудишься* (\**Смотри, надевай много теплых вещей, а то...*) и (Не) *Надевай много теплых вещей, а то простудишься*. Впрочем, имеется конструкция вида *Смотри P, а то / а не то Q*, в которой вершина *P* не содержит эксплицитно выраженного отрицания: (11) а. *Смотри, приходи вовремя, а не то я обижусь*. б. *Смотри, будь внимательнее, а то попадешь под машину*. Особенностью этой конструкции является обязательная интерпретация предикации *P* как содержащей отрицание в семантической структуре (т.е. *приходи вовремя* означает здесь «не опаздывай», *будь осторожнее* понимается как «не будь рассеянным» и т.д.), между тем как с точки зрения поведения лексемы *смотри!* она аналогична рассматриваемой.

Замечание. Существуют предложения, внешне сходные с толкуемыми, однако не допускающие союз *а не то*, ср. (12) а. *Смотри, не забудь ключи, а то (\*а не то) ты вчера их оставил дома*.

<sup>2</sup>Здесь и далее восклицательный знак (который на письме реально может отсутствовать) компенсирует (очевидно, что далеко не полностью) особую интонацию, присущую высказываниям данного типа.

<sup>3</sup>Употребление формы *P, а не то Q* в контексте *смотри!* отличается от рассматриваемых в [13] предложений альтернативной мотивации типа *Хорошо, что вокруг много людей, а не то бы первая поцеловала; Нужно не меньше трех метров, а не то не хватит на платье*. Так, в предложениях альтернативной мотивации во второй части может описываться и желательное явление, которое могло бы произойти, если бы не произошло явления, названного в первой части. Для предложений-угроз такая возможность исключена.

6. *Смотри, оденься потеплее, а то (\*а не то) на улице снег.* Недопустимость этого союза объясняется тем, что "законное" место *Q* здесь занимает промежуточный компонент *R*, не имеющий значения угрозы (ср. с анализируемыми предложениями фразы типа *Смотри, оденься потеплее, а не то простудишься*). В отличие от союза *а то* союз *а не то* не может вводить событие, имевшее место в прошлом или протекающее в момент речи: ведь значение угрозы всегда ориентировано в будущее. В предложениях типа (12) слово *смотри* выступает в том же значении, что и в (8), просто выявление компонента *Q* либо требует более широкого контекста, либо наличия более сильного семантического аппарата, чем толкования, например, аппарата семантического вывода.

Теперь, сопоставляя те же две конструкции, попытаемся выявить семантический вклад, вносимый собственно лексемой *смотри!* в предложение.

1) Как следует из предложенного толкования, *смотри!* ориентирует слушающего на выполнение некоторого  $Z = \langle \text{не } P \rangle$  в ситуации, когда *P* не имеет места. Так в (8а)  $Z = \langle \text{возьми ключи} \rangle$ , в (8б)  $Z = \langle \text{веди себя хорошо} \rangle$ . В конструкции *P, а не то/а то Q* действие, которое требуется выполнить в *P*, в случае если глагол в *P* не содержит отрицания, — это само *P*, ср. *Уходи, а не то получишь!*, неправильное \**Смотри, уходи с работы, а не то получишь выговор!*. Чтобы последнее предложение было правильным, надо было бы проинтерпретировать здесь действие *уйди* как содержащее отрицание ( $\approx \langle \text{не оставайся} \rangle$ ), что в данном контексте невозможно, ср., однако: *Смотри, уходи с работы не поздно, а не то не успеешь на электричку!* (*уйди* =  $\langle \text{не оставайся на работе допоздна} \rangle$ ).

2) Семантика лексемы *смотри!* задает ограничения на ситуативные роли говорящего и слушающего: *смотри!* приписывает им, соответственно, роли лица, обладающего опытом, и лица, которому этот опыт передается. Например, говорящий может быть носителем некоторой аксиомы о мире и хочет, чтобы слушающий применил ее к себе в некоторой актуальной ситуации; ср.: *Смотри, не пей очень холодной воды, а то простудишь горло* («Питье очень холодной воды обычно приводит к заболеванию горла»). При синтезе предложения на место переменной «человек *X*» не подставляется ничего, она остается связанной квантором общности. Иначе происходит синтез предложений типа *Смотри, не звони Маше, а то она рассердится*. Здесь речь идет не о передаче информации об устройстве внешнего мира, а о сообщении сведений, связанных с конкретным лицом — самим слушающим, т.е. говорящий знает, что звонить Маше не следует именно слушающему и делится с ним этим знанием. Формально это означает, что на место переменной «человек *X*» в процессе синтеза этого предложения следует поставить слушающего. Впрочем, и первое предложение допускает понимание, при котором речь идет не о передаче каких-то универсальных законов, а конкретных сведений. Факторы выбора той или иной интерпретации в каждом отдельном случае нам до конца не ясны.

3) Предложения с лексемой *смотри!* обычно означают угрозы-предостережения. Последние следует отличать от угроз другого типа — угроз-компенсаций. Угрозы первого типа обращены в будущее, поскольку событие, за которое может последовать наказание, не наступило. В этом случае говорящий предупреждает слушающего, что если тот не последует его совету или требованию, то может за это поплатиться. Ср. примеры: *Не ходи туда, иначе хуже будет, Спи, сыночек, побыстрей, а не то придет Кащей, Напиши ей письмо, или она опять к нам в гости придет*.

Угрозы-компенсации следуют либо за уже содеянное, либо за высказанное намерение, рассматриваемое как осуществленное зло. Обычно это "окрики вслед": *Ты меня еще попомнишь!, Я тебе покажу!, Мы с вами еще встретимся!*. По своей природе угрозы-компенсации недиалогичны и агрессивны: что обсуждать, коль зло совершено? Угрозы-предостережения диалогичны и направлены на достижение консенсуса: предложение рассмотреть альтернативы требует ответной реакции собеседника. Отметим попутно, что предложенное А. Вежицкой толкование английского глагола *threaten* «угрожать» не различает этих типов угроз: «я говорю: я сделаю что-то, что будет плохим для тебя, если ты не сделаешь что-то; я думаю,

что ты не захочешь, чтобы я это сделал; я говорю это, потому что я хочу сделать так, чтобы ты сделал что-то, что ты не хочешь сделать» [14, с. 178].

Возвращаясь к анализу *смотри1*, подчеркнем, что вводимая этой лексемой угроза относится к разряду угроз-предостережений: нельзя сказать *\*Смотри, я тебе покажу!*, *\*Смотри-ка, ты меня еще попомнишь!*, *\*Смотрите, мы с вами еще встретимся*. Для предложений, допускающих неоднозначное понимание (типа *Я тебе задам!*), введение *смотри1* разрешает неоднозначность в пользу первого понимания. Диалогический характер слова *смотри* в обсуждаемом значении хорошо согласуется с иллокутивной семантикой угроз-предостережений: *смотри1* вводит угрозы-предостережения, которые, как уже говорилось, требуют ответной реакции партнера по коммуникации.

Каноническая форма высказываний со словом *смотри* допускает ряд модификаций. Во-первых, отрицательные последствия *Q* могут быть синтаксически не выражены и домысливаться из контекста, ср. *Смотри, не забудь ключи* или *Смотри, будь осторожнее* (фраза, сказанная матерью ребенку перед выходом на улицу). Во-вторых, в ряде случаев сами последствия *Q* не называются, но указывается, с одной стороны, на их наличие, а с другой стороны, дается их оценка, ср.: *Смотри, пойдешь к врачу, а не то / а то будет хуже*. Такая модификация допустима лишь тогда, когда либо *P*, либо некоторое событие, мотивирующее *P*, оценивается как плохое (ср. странную угрозу *\*Смотри, не забудь ключи, а то хуже будет*). Наконец, в предложении может отсутствовать *P* (быть может, вместе с *Q*). Для понимания предложений с таким эллипсисом необходим достаточно широкий контекст, ср.: *Смотри, а то поезд уйдет; Смотри у меня!*

Исходное толкование лексемы *смотри1* также допускает одну существенную модификацию. Сопоставим предложения (8а, б) с предложениями (9а—в). Семантически последняя группа предложений отличается от первой следующим. Во-первых, пропозиция *P* выражает в них общее суждение, применимое как бы на все случаи жизни (*Не обижай людей* «всегда, когда имеешь дело с людьми, не обижай их» и т.п.). Содержание *P* — это наказ слушающему делать добро, т.е. следование завету *P* оценивается положительно. Во-вторых, пропозиции *Q* (которая в предложении может явно не выражаться) тоже соответствует общее суждение, говорящее об отрицательных последствиях, к которым приведет неследование завету. Эти нежелательные последствия чаще всего отражаются в виде констатации общего положения дел, которое наступит при нарушении наказа-завета, ср. возможные продолжения в примерах (9а—в) ... *а не то хуже будет / а не то Господь вас накажет / а не то люди от вас отвернутся*. См. также в этой связи странные предложения (11) *Смотрите, дети, любите друг друга, а не то я вас накажу*, (12) *Смотри, возьми ключи, а то хуже будет*.

Частое опущение *Q* в предложениях рассматриваемой группы объясняется легкостью его восстановления, связанной с иллокутивной семантикой наказа-напутствия.

Как и угрозы, наказания также бывают двух типов — наказания-напутствия и наказания-предостережения. В противоположность угрозам, основное отличие напутствий от предостережений лежит в плоскости аксиологии: напутствия передают общие знания о добре, а предостережения — о конкретном зле. В случае с лексемой *смотри1* могут передаваться как напутствия, так и предостережения, соответственно меняется и интерпретация предложений с этой лексемой.

Резюмируя, можно сказать, что общим компонентом для двух разновидностей *смотри1* является передача опыта от более умудренного человека к менее умудренному (напутствия обычно дают родители — детям, учителя — своим ученикам, люди, давно состоящие в браке, — новобрачным и т.п.). В случае предостережений — это опыт о «зле»: предостережение говорит «не делай *P*, а то будет зло *Q*»; в случае напутствий — это опыт о «добре»: напутствие говорит «делай *P* и тебе будет хорошо (а не будешь делать — будет плохо)». Элемент

наказания за неследование завету (в случае напутствий) и предупреждению (в случае угроз) семантически сближает *смотри1* с такими словами, как *берегись*, *остерегайся* и под., которые, впрочем, имеют свою семантику и свои правила употребления, явно отличные от *смотри1*.

Другой лексический показатель начала МДЕ — лексема *смотри2* со значением «открытия, обнаружения нового» — представлен в предложениях (10а—в). *Смотри2* предвывает реплику, передающую удивление неожиданным, на глазах открывающимся новым свойством, качеством или некоторым фактом. В примере (10а) *Смотри, как расхрабрился...* говорящему открывается новое свойство — храбрость некоторого лица, которое им отрицательно оценивается; в примере (10б) *Смотрите, он умеет это доказывать* удивление вызвано новым фактом. В примере (10в) *Смотрите, а она хорошенькая!* ребята, пораженные неожиданным превращением некрасивой девочки-«чучела» в симпатичную девчонку, красиво подстриженную и модно одетую, передают свое удивление и восхищение с помощью лексемы *смотри2*, вводящей реплику с частицей *а*. Каждый раз при этом говорящий выражает свое удивление не в пустоту, не в вакуум, а привлекая собеседника разделить с ним его чувство. В этом как раз и состоит иллокутивное вынуждение, вводимое репликой с лексемой *смотри2* (ср. *Как она поет!* и *Смотри, как она поет!* или *Какой он элегантный!* и *Смотри, какой он элегантный!*).

Диалогический момент в семантике слова *смотри2* настолько силен, что навязывает представление о собеседнике даже тогда, когда его реально нет; тем самым лексема *смотри2* может вводить в непротиворечивое высказывание логическое противоречие. Так, хотя в ситуации, описываемой предложением (10а), говорящий реально остается один, первая часть реплики обращена либо к невидимому собеседнику, либо к самому говорящему, формируя внутренний диалог. Диалогический характер *смотри2* подкрепляется возможностью называния собеседника, ср.: *Ты смотри, ..., Люди, смотрите-ка, ..., Смотри, Маш, ..., Смотри-ка, Зин, ..., а также в бюрократическом жаргоне Смотри, Иван Петрович, ...*. Дополнительно усиливает удивление и апелляцию к партнеру безударная проклитическая частица *ты*, примыкающая к *смотри2*: *Смотри-ты, он сегодня пришел вовремя!*, *Смотри-ты, Иван Иванович, ...*. Еще одним свидетельством диалогического характера лексемы *смотри2* является возможность присоединения к ней частицы «совместного действия» -ка: *Смотрите-ка, он неплохо играет в шахматы!*.

Как и в случае с лексемой *смотри1*, для *смотри2* происходит частичное размывание внутренней формы (хотя и в меньшей степени). Открывающееся новое явление отнюдь не обязательно предполагает участие органов зрения, ср.: *Ты смотри, а она хорошо поет!*. Однако даже в такой ситуации употребление *смотри2* несет с собой мыслимый зрительный образ описываемого события: «вообрази себе Р» («представь себе глазами души»). Это проявляется в том, что при дистантном диалоге — например, в разговоре по телефону — использование *смотри* в этом значении затруднительно, тогда как для *смотри1* контактность/дистантность диалога значения не имеет. Другой довод в пользу того, что неожиданное возникает как бы перед глазами собеседников, представляют ответные реплики. Так, выражение эмоции в *Смотрите-ка, он умеет петь!* допускает не только отклики *Да; Ага; Точно* и подобные, но и *(Я) вижу; Да, это видно* и т.п., где в разных формах используется глагол *видеть* (в то же время плохо *\*Я слышу; \*Это слышно*).

Отмеченные семантические компоненты *смотри2* согласуются с иллокутивной функцией вводимого речевого акта: *смотри2* не может вводить угрозы, констатации, вопросы, а допускает лишь речевые проявления эмоций: удивление, восхищение, радость и т.п.

Рассмотренные особенности семантики лексемы *смотри2* позволяют сформулировать ее примерное толкование: *Смотри2 Р* = «до момента речи *Р* не входит в

модель мира говорящего; в момент речи говорящий, видя, что имеет место *P*, и испытав по этому поводу комплекс эмоций, призывает слушающего вообразить *P* происходящим перед его глазами и разделить с ним эти эмоции».

Замечание. В примерах *Смотри, все очень просто...*; *Смотрите, полковник, ваша дивизия начнет движение с северного фланга...*; *Смотри сюда, ...* представлено еще одно значение *смотри* как показателя определенного иллокутивного акта — акта аргументации. В этом случае *смотри* вводит цепочку аргументов. Однако аргументативное *смотри* не является показателем грани МДЕ (ср.: — *Как же решить эту задачу?* — *Смотрите, проводим медиану...* — *Ну как, все ясно?* — *Вроде бы*).

## 2.2. Слово *слушай* и его употребление в диалоге

Существует два типа диалогических употреблений лексемы *слушай*, представленные в предложениях (13), (14).

(13) а. — *Слушай, что ты от меня хочешь?* б. — *Слушай, отстань!*

(14) а. — *Слушай, давай спрячемся куда-нибудь.* б. — *Слушайте, а вы не пьете?* — *С чего вы взяли?* в. — *Слушай/Слышь, Вань, я еду в город, а ты скажи к председателю.* — *Я лучше с тобой.* В предложениях (13а, б) адресат своей ответной репликой вводит в диалог элемент конфликтности. Ее назначение — либо прекратить диалог, либо изменить его ход. В таких предложениях слово *слушай* не является лексическим показателем начала МДЕ, и далее мы о нем говорить не будем, а обратимся к анализу примеров (14а—в) и им подобных.

Это значение лексемы *слушай* (равно как и его просторечного варианта *слышь*) описывается в толковых словарях приблизительно так: "*слушай(те)* употребляется при обращении к кому-либо в начале разговора для привлечения внимания" [15]. В приведенной экспликации отражены основные свойства слова *слушай* — его диалогическая природа и функция («привлечение внимания»). Более точно, однако, здесь было бы сказать, что *слушай* вводит новый минимальный диалог, а не новый «разговор». Важно отметить, что этот новый минимальный диалог отличается по теме от предшествующего. Ср. характерный пример из А. Куприна: «*Слушайте, а вы не пьете?*» — *вдруг огорошил меня господин Валерьянов*, где лексема *вдруг* показывает, что ход предшествующего диалога был внезапно прерван, при этом произошла смена темы, а *слушай* и *огорошил* подчеркивают неожиданность семантического содержания этого вопроса.

Общий иллокутивный характер значения *слушай* не налагает жестких ограничений на иллокутивную функцию последующей реплики. Это может быть предложение сделать что-либо, как в (14а), вопрос, как в (14б), констатация, как в (14в).

В отличие от *смотри*<sup>2</sup> лексема *слушай* всегда обращена на реального собеседника, непосредственно присутствующего в поле зрения говорящего, ср. (15) — *Эй, слышь, хозяйка, а это что за человек у стола заснул?* Другими словами, лексема *слушай* невозможна во внутреннем диалоге.

Рефлексом прямого глагольного значения лексемы *слушай* является указание на то, что сам способ обращения внимания апеллирует к способности собеседника слышать, т.е. воспринимать речь ухом. Тем самым *слушай* соотносится лишь с одним — основным — значением глагола *слышать*.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Gross J.B., Sidner C.L. Attention, intentions, and the structure of discourse // Computational linguistics. 1986. V. 12. № 3.
2. Linde C., Goguen J. Structure of planning discourse // Journ. social biol. struct., 1978. № 1.
3. Диненберг Ф.Г. Коммуникативная триада как базовая составляющая структуры диалога // Диалоговое взаимодействие и представление знаний. Новосибирск, 1985.
4. Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // ВЯ. 1992. № 2.
5. Butterworth B. Hesitation and semantic planning in speech // Journ. of psycholinguistic research. 1975. V. 4.

93